УДК 821.162.1

Е. А. Паньков
Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно

ДЕФОРМАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА В РОМАНЕ СТАНИСЛАВА ПШИБЫШЕВСКОГО «ДЕТИ САТАНЫ»

В статье раскрывается своеобразие Станислава Пшибышевского как ярчайшей творческой личности периода Молодой Польши. Эпоха исторического перелома общественного и духовного сознания требовала эстетического переосмысления действительности и индивидуально-творческих подходов к моделированию художественного мира, что и нашло оригинальное отражение в литературном наследии писателя. Отправной точкой для отдельных наблюдений и определений избран роман «Дети сатаны». Предпринимается попытка представить сущность персональной модели С. Пшибышевского путём выявления природы легенды и автолегенды художника.

Введение. Философские и эстетические взгляды С. Пшибышевского воспринимались современниками великого польского писателя прежде всего как деструктивная, разрушительная сила. В качестве доказательства часто приводились слова самого художника: «Stać mnie było na odwagę przełamania uświęconego "tabu", a więc dotykać rzeczy, których tknąć nie wolno, stawiać się poprzek uświęconym kanonom, społecznemu obłudnemu "cantowi", przeciwstawiać nieubłaganą, a tak niezmiernie przykrą prawdę»[1] [1, с. 180].

Для С. Пшибышевского воплощением творческого начала, универсальной реализацией его собственной философии формально становится сатанизм, что, безусловно, сталкивалось с отрицательной оценкой как современников, так и последующих поколений читателей и исследователей. Никто, впрочем, не обратил внимания на то, что в псевдосатанистических творческих исканиях автор прежде всего подвергает сомнению понятие идеального, непогрешимого художника, декларирует литературные явления, традиционно соотносимые с маргинальными.

На эту особенность творчества С. Пшибышевского обратил внимание русский критик Н. Никольский, который стремился доказать, что польский автор отнюдь не проповедник сатанизма, а «мыслитель, поставивший перед собой задачу решить одну из главных проблем человеческой жизни, этой бездонной тайны пола. Такой тайны, которая недоступна рационально думающим людям» [2, с. 171]. Сам же Пшибышевский отмечал: «Historia satanizmu, której się podjąłem, to obrzydliwa praca <...>. O, do diabła, trzeba przezwyciężyć szatana i samemu zostać szatanem»[2] [3, с. 208], поскольку искусство является «paktem z diabłem»[3] [4], заключённым, чтобы проникнуть в тайны бытия и постичь абсолютную истину.

З. Бромберг считал, что культ сатаны был формой кратковременного бунта писателя против Бога и Пшибышевский не является

[1] У меня было достаточно мужества, чтобы преодолеть священное «табу», следовательно, касаться вещей, к которым даже притрагиваться нельзя, противостоять освящённым канонам, общественной лицемерной «фальши», противопоставлять неумолимую, но и чрезвычайно горькую правду.

[2] История сатанизма, за которую я взялся, — это отвратительная работа <...>. О, к чертям, надо одолеть сатану и самому стать сатаной.

[3] Соглашением с дьяволом.

убеждённым почитателем дьявола, в мировоззренческом аспекте не имеет ничего общего с сатанизмом, который выражается в тотальной ненависти к миру, вере в безличную энергию, тёмную разрушительную силу природы. Сатанизм для С. Пшибышевского — проявление морально-художественной провокации, обусловленной трагическим восприятием окружающей действительности.

Это была позиция не возвышенного демона, духа-соблазнителя и смутителя, но кого-то более грозного, предвосхищающего реальность грядущего века. С. Пшибышевский верил в свое исключительное предназначение, и эта вера стала источником его силы. «В кафе, — рассказывает Т. Бой-Желеньский, — все устремлялись к нему, словно к создателю какой-то новой религии, он же охотнее всего привечал людей непримечательных. Его окружение «было скорее сектой, чем литературной группой», «сборищем юнцов, персонажей странного богослужения, лишённых чувства иерархии и формы», людей, «которые взялись неизвестно откуда и проявили свои таланты пока что единственно в обильных возлияниях». В этой среде, где главное действующее лицо «имело какую-то странную тягу ко всему, что пахло смертью», часто случались самоубийства, производящие впечатление на фоне гротескного целого, это «был театр dell'arte, из которого через определённое время выносили настоящие трупы» [5].

Методология и методы исследования. Основу исследования составляют культурно-исторический принцип, биографический метод, метод сравнительно-исторического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Необходимо отметить, что все манифесты, провозглашаемые писателем, утрачивали драматизм в сравнении с его собственной судьбой. Чтобы понять Пшибышевского этого периода, надо представить трагизм окружавшей его атмосферы. Ему было немногим более двадцати лет, когда совершила самоубийство Марта Фердер, которую он бросил ради другой большой любви своей жизни — Дагни Юль. Пшибышевский оказывается в тюрьме по подозрению в причастности к этой смерти. Через несколько лет Дагни Юль трагически погибает, а её смерти предшествует «львовское безумие» (в жизни писателя появляется Ядвига Каспрович, жена его друга), приносящее огромную боль и разочарование. Из разного рода сплетен, нападок, слухов, порою гротескно смешных жизненных событий сформировалась своеобразная легенда С. Пшибышевского, в которую поверили даже историки литературы. Многие воспринимали его творчество не столько сквозь призму собственно биографии, сколько по разным представлениям о ней. Без понимания перипетий жизни С. Пшибышевского невозможно адекватное восприятие его литературной деятельности. Для своих современников он был идеальным примером той творческой личности, в каждом поступке и каждом начинании которой проявляется необычайно сложная, тонко организованная душа. Жизнь и творчество С.Пшибышевского, как сказал Ю. Кшижановский, составляли «законченное целое», иначе говоря, «жизнь находила выход в творческих исканиях, творчество же становилось отражением жизни» [6, с. 6]. Поэтому следует говорить не о двух перспективах жизни и творчества писателя, а о «жизнетворчестве» как едином целом.

Определить подлинную сущность творческой личности С. Пшибышевского необычайно трудно. Её необходимо рассматривать в разных плоскостях: психологической, философской, эстетической, социологической. Т. Бурек отмечает, что С. Пшибышевский «kusi dzisiaj

[1]Искушает сегодня историка литературы, биографа-психоаналитика, социолога безумным движением, колебаниями и кризисом писательской карьеры.

historyka literatury, biografa-psychoanalityka, socjologa zawrotnym przebiegiem, wahaniami i kryzysem pisarskiej kariery»[1] [6, с. 164].

Легенда С. Пшибышевского возникает в значительной мере благодаря самому писателю, который невольно или сознательно придаёт ей нужную форму. Пребывание в Германии, скандальная, загадочная смерть брошенной любовницы, жена-норвежка, обольщение жены друга, краковские манифестации, литературное творчество — всё это создавало соответствующий образ художника. С. Пшибышевский конструировал собственное видение творчества, переносил даты, пересоздавал художественную действительность, подчиняющуюся законам психологии творческого вымысла. Появившись в Кракове в самом конце XIX века, в ореоле экзотичности и славы, Пшибышевский был просто обречён провоцировать, так как именно этого от него и ждали. «Пророк новой веры», стремясь оправдать подобные ожидания, был первым, кто склонялся над всеми пропастями жизни. Современников привлекали не его программы, «абсолют» и «обнажённая душа», а демонизм и неповторимость его личности. Пшибышевский имел своё, тщательно, вплоть до мельчайших подробностей продуманное, цельное и последовательное мировоззрение, которое он часто навязывал другим, будучи уверенным, что имеет на это право. Г. Рогацкий утверждает: «Dusza jego rwała się do Absolutu, ale cała pogrążona była w rzeczywistości ziemskiej»[1] [1, с. 190].

Интерес писателя к сатанизму начинается с книг Жюля Амеде Барбе д'Оревильи. Том новелл «Les Diabolique», в которых магия переплетается с религией, колдовство с молитвой, ввёл Пшибышевского в мир средневековых представлений о сатане. В 1897 году вышел роман «Дети сатаны». Автор признаётся: «Pracuję teraz jak szalony nad większą monografią o kościele szatana i siedzę dzień w dzień we wszystkich możliwych zakamarkach, w które biblioteka berlińska obfituje»[2] [3, с. 208].

В человеческой природе Пшибышевского интересует всё запутанное, тёмное и мистическое, «podziemne korytarze, do których nigdy jeszcze nie wnikło światło»[3] [7, с. 232]. Писатель чтит слепое влечение, иррациональные инстинкты, рефлексы, которые возникают в самой глубине сознания. Он отбрасывает форму и содержание, забывает о рассудке, который позволяет осознанно воспринимать мир, отрицает волю, которая велит действовать. Сама человеческая жизнь, вместо игры добра и зла, превращается в их борьбу, в столкновение двух «бездн», двух противоположных начал — души и разума, Бога и Сатаны. Из альтернативы существования человека — созидание или деструкция — С. Пшибышевский выбирает второе: наряду с увлечением жизнью появляется тяга к умиранию, воплощённая в его героях.

В романе «Дети сатаны» Пшибышев-ский создаёт особое видение своего времени. Писатель рассказывает историю деятельности небольшой группы революционеров, которые под предводительством анархиста во имя совершенно абсурдных идей готовы уничтожить город и всех его жителей в пламени пожара.

В конце XIX века анархисты активизировались во всём мире, совершая многочисленные террористические акции, покушения на государственных и политических деятелей, устраивая пожары и взрывы бомб на улицах,

[1] Душа писателя рвалась к Абсолюту, но вся была погружена в земную действительность.

[2] Я работаю теперь, словно одержимый, над большой монографией о царстве сатаны и сижу изо дня в день во всевозможных уголках, которых так много в берлинской библиотеке.

[3] Подземные коридоры, в которые никогда ещё не проникал свет.

в кафе, храмах и магазинах. Г. Рогацкий идентифицирует фабулу романа «Дети сатаны» как репрезентацию «ponurych skutków, które społeczeństwo nasze odczuwa pod wpływem prądu materialistycznej epoki»[1] [1, с. 67].

Предпринимая попытку осмыслить происходящее, С. Пшибышевский прибегает к образу сатаны. Сатанизм у него делается единственной возможностью противостоять нигилизму, безразличию, как ни парадоксально, воплощает желание вернуть миру утраченные моральные ценности. Вера в сатану явилась своеобразной основой для определения высшего порядка. Роман должен был показать одну из форм реализации современного писателю сатанизма, и С. Пшибышевский акцентирует внимание на анархизме прежде всего в таком качестве. Однако у польского писателя анархизм обретает особое значение. Обращаясь к различным идеям сатанизма, к субъективно воспринимаемому средневековью и ницшеанству, он пытается преодолеть болезненную трагедию существования. Анархизм и всеуничтожающий нигилизм получают не отрицательную, а положительную трактовку. С. Пшибышевский воспринимается как сатанист только потому, что он полностью меняет соотношение добра и зла в традиционном понимании. По его мнению, зло не является отсутствием добра, скорее наоборот. Добро — это отрицание страстей и жизни, поскольку сама жизнь наполнена злом.

В душах героев С. Пшибышевского преобладает идея о том, что царство Люцифера сильнее, чем царство Бога. Победа тёмных сил над светлыми — определяющая тенденция внутреннего мира тех героев романа, которых автор называет «детьми сатаны». По словам главного из них, дети сатаны — это «wszyscy ci, którzy, gnani rozpaczą i zwątpieniem, czują trwogę, wszyscy ci, których sumienie jest bciążone»[2] [8, с. 16]. Но Гордон, произносящий это, не производит впечатления человека виновного либо сокрушающегося: напротив, он убеждён, что лишь дети сатаны и являются истинными носителями жизни, поскольку жизнь есть «королевство сатаны — ад» [8, с. 16].

Заключение. С. Пшибышевский стремится развенчать мифы своей эпохи, определить силу их воздействия на человеческое сознание и подсознание. Роман «Дети сатаны» только на первый взгляд не предлагает никакой моральной альтернативы. В сущности, это произведение доказывает, как «велика нищета мира без Бога» [9, с. 194]. Вера в Сатану не что иное, как замаскированная вера в Бога, что было письменно подтверждено писателем в 1926 году: «Oświadczam, że w wierze katolickiej chcę żyć i umierać. Za wszystkie wykroczenia przeciwko zasadom tej wiary serdecznie żałuję i pragnę wszystkonaprawić»[3][3, с. 542]. По Варшаве разнеслась сенсационная весть о примирении первосвященника Антихриста со священным Костёлом и, таким образом, подчинении его авторитету, а для С. Пшибышевского это было признанием своих ошибок и возвращением «непослушного сына к святой матери» [1, с. 359].

Примирившись с католицизмом за год до своей смерти, С. Пшибышевский умирает верующим человеком, демифологизируя мир Гордона и подобных ему «детей сатаны».

Список цитируемых источников

1. *Rogacki, H.* Żywot Przybyszewskiego / H. Rogacki. — Warszawa : PIW, 1987. — 396 s.

[1]Мрачных последствий, которые наше общество ощущает под тяжёлой поступью материалистической эпохи.

[2]Все, кто гоним отчаянием и сомнением, объят тревогой, живёт с тяжестью на сердце.

[3]Я заявляю, что в католической вере хочу жить и умереть. Во всех проступках против основ этой веры я искренне раскаиваюсь и хотел бы всё исправить.

2. *Moskwin, A.* Twórczość Stanisława Przybyszewskiego przez pryzmat cenzury rosyjskiej końca XIX i początku XX wieku / A. Moskwin // Pamiętnik Literacki. — 1998. — Z. 2. — S. 165—173.

3. *Helsztyński,* S. Przybyszewski / S. Helsztyński. — Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1973. — 584 s.

4. *Podraza-Kwiatkowska, M.* «Naga dusza» i «epoka mundurów» / M. Podraza-Kwiatkowska // Twórczość. — 1978. — № 5. — S. 100—106.

5. *Kralkowska-Gątkowska, K.* Próba rekonstrukcji modelu dynamicznej prozy Stanisława Przybyszewskiego / K. Kralkowska-Gątkowska // Od Kochanowskiego do Różewicza ; pod red. J. Krzyczaka. — Warszawa : PWN, 1988. — S. 107—121.

6. *Dynak, J.* Przybyszewski. Dzieje legendy i autolegendy / J. Dynak. — Wrocław : Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1994. — 172 s.

7. *Podraza-Kwiatkowska, M.* Symbolizm i symbolika w poezji Młodej Polski / M. Podraza-Kwiatkowska. — Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1975. — 429 s.

8. *Przybyszewski, S.* Dzieci szatana / S. Przybyszewski. — Kraków : Oficyna Literacka, 1993. — 203 s.

9. *Matuszek, G.* Nędza świata bez Boga / G. Matuszek // Przybyszewski S. Dzieci szatana. — Kraków : Oficyna Literacka, 1993. — S. 169—196.

Материал поступил в редакцию 28. 02. 2013 г.

The article reflects the originality of the creative person of S. Pscybyscevsky, the brightest figure of the literature in the period of Young Poland. In the literary heritage of the writer the epoch of historic breakthrough of the public and spiritual consciousness of Poland, demanding the aesthetic reconsideration of the validity and individually-creative approaches to modeling of the art world have received an original description.The starting point of separate supervision and definitions is the novel "Children of Satan". The attempt to present the essence of the personal model of S. Przybyszewski has been undertaken, revealing the nature of the legend and theautolegend of the artist.